

Р29р
Г65

**Николай
ГОНЧАРОВ**

**СОЗВЕЗДИЕ
ПЕГАСА**

**КНИГА
СТИХОВ**

P2 9p
Г 65

Николай Гончаров

СОЗВЕЗДИЕ ПЕГАСА

Книга стихов

Муниципальное учреждение культуры
«Центр культуры и искусства имени
герцога Йоркского»

Издательский Дом «СДМ»
2001

1-607471-1

© Николай Гончаров, 2001
© Оформление «СДМ», 2001

От автора

Закончился двадцатый век.

В юности, читая фантастические романы Артура Кларка, в которых события разворачиваются как раз на стыке тысячелетий, описываемый период казался недостижимо далеким. Но вот он и наступил - так быстро и незаметно.

Я думаю, у каждого современника, в той или иной степени, в эти дни возникает потребность подвести определенный промежуточный итог прожитому, перейти в новое столетие, стоя на более высокой, неизведанной ступеньке человеческого бытия. Эта книга и является для меня своеобразным подведением черты, за которой наступит следующий этап развития.

Я не спешил с выходом сборника. Некоторым строчкам уже почти два десятилетия, некоторым - несколько недель. Помню каждую минуту, когда возникало то или иное созвучие, та или иная строка. Все эти мгновения последовательно складывались в чудо, называемое жизнью.

Время выхода книги, видимо, пришло. Удалась она или нет, судить Вам.

*«Верность храня
незаметно
и строго...»*

Созвездие Пегаса

Над Ярославлем замерцал Алькор,
Взошли Капелла с Вегой и Денебом,
И Бетельгейзе встала в свой дозор -
Стеречь от тьмы полуночное небо.

И, колдовски, как пламя от костра
Притягивает взгляд извечной тайной,
Притягивают звезды до утра
Мой разум, небом созданный случайно.

Я лишь пылинка на моей Земле,
Лишь всполох галактического газа,
А путеводна мне в кромешной мгле
Звезда Эниф в созвездии Пегаса.

О, скольких уж коснулось то крыло
Летающего межзвездного скитальца,
И души в мир созвучий занесло,
Чтоб, воспарив, им с миром не расстаться.

Кто знает, может то, что создаем,
Разносится по уголкам Вселенной,
И мы в своих словах переживем
Планету, остающуюся тленной.

Быть может, сквозь пространства и года
Нам светит из таинственного мрака
Шекспира негасимая звезда
И светлая туманность Пастернака.

А в гриве у крылатого коня
Затерянно живет, купаясь в грозах,
Расцветшая от звездного огня,
Есенина планета, вся в березах.

Мир в полумраке - сказочный почти,
Пока с востока небо не светает;
Густую тьму вселенского пути
Медведица ковшом своим черпает.

И, спутницей своею дорожа,
С изяществом, пусть внешне и беспечно,
Достойную дистанцию держа,
Все кружит Солнце Землю в вальсе вечном.

Город

Верность храня незаметно и строго
К воздуху, коим дано мне напиться,
Каждое утро встречаюсь с дорогой,
Чтобы в ее суете раствориться.

Улицы детства стареют со мною,
В листьях морщины асфальта скрывая,
Город бросается желтой листвою
Под гильотины красных трамваев.

Сотни прохожих в городе этом
Взгляд мой случайный не замечают.
Может, когда я стану поэтом,
Душу мою они повстречают.

В тысячах будней век коротаем,
Каждое утро шумом нас манишь.
Ты остаешься - мы угасаем,
Нас позабудут - ты нас помянешь.

Дом

Я - ярославец в пятом поколении,
Мои истоки - в городе родном:
Прапрадед Николай, вложив умение,
На Мельничной срубил просторный дом.

Орудовал аршином, а не метром,
Не допускал погрешностей нигде.
Чуть трепетал под теплым летним ветром
Кружочек стружки в русой бороде.

Звенел топор в мозолистых ручищах,
Янтарный сруб пах лесом и смолой,
А во дворе, кирпичиком начищенный,
Пел самовар с изогнутой трубой.

С конька виднелись Которосль и Волга,
И россыпь золоченых куполов.
И он смотрел восторженно и долго,
Счастливый тем, что создал крепкий кров.

По Пасхам в доме пахло пирогами,
Цвела сирень над лавкой во дворе;
Сменялись годы новыми годами,
Даруя жизни новой детворе.

Дом согревал по праздникам и будням,
Уютным светом принимал гостей,
Он стал приютом породненным судьбам,
Свидетелем рождений и смертей.

Дед Николай ушел из дома в штатском,
Присев на кухне - к доброму пути,
Но сгинул в сорок первом код Кронштадтом,
Полгода не дожив до тридцати.

Сменились миром годы лихолетья,
Жизнь потекла по правилам своим.
Всего лишь через два десятилетия
И для меня дом этот стал родным.

Снег за окошком, кошка на лежанке,
Мороз в сенях, преснушка на столе,
У печки дров березовых вязанка,
Высокий тополь в небольшом дворе.

Давно чужие тени бродят в доме,
В углах лампадки новые горят.
Все с улицы поразбежались, кроме
Двух-трех старушек, помнящих царя.

А дом стоит, немного покосившись,
И манит, чтоб за таинством дверей,
Вновь на минутку в детстве очутившись,
От позабытых чувств стать чуть добрей.

На набережной

Как муравей, крутился допоздна,
Но с суетливой жизнью не в ладу -
На набережной Волги - тишина,
И я к ней на свидание пойду.

Осенних лип неторопливый шум
Настроит настроение мое.
С рекой разделим ход заветных дум
И мудрое течение ее.

Сгустился вечер, день ушел от дел,
Неясны выраженья встречных лиц.
Мерцая, отражаются в воде
Бледнеющие контуры Твериц.

Как Байконур, стоит речной вокзал,
Ракету башни в небо устремив;
Здесь каждый ярославец побывал,
Любимый уголок свой посетив.

Вкусив покой, я поверну домой.
Все разошлись, давно идти пора.
И лишь Некрасов с гордой головой
О чем-то будет думать до утра.

Дуб

Стоит он, отражаясь в Волге,
Наперекор своим годам,
Давно привыкнув к жизни долгой -
К туманам, грозам, холодам.

В нем жажда жизни все сильнее,
И до весны листву в ветвях
Хранит, боясь, что постареет
Внезапно, словно ветра взмах.

И лишь тогда ее бросает
На зеркало воды речной,
Когда вновь сила молодая
Рвет почки свежей листвой.

Ярослав

Он подошел к темнеющей воде -
Дрожала Волга ветру на потребу,
И только в заводинах, кое-где,
В зеркальной глади отражалось небо.

Невдалеке, в овраге, гул стоял -
Язычники все причитали странно.
Медведица лежала бездыханно,
Зарубленная князем наповал.

Гуляла стерлядь в синей глубине,
Тот берег зеленел сосновым бором...
И думал князь: «Так что же делать мне -
С победою уплыть или с позором?»

Опять мой меч в крови по рукоять.
Как убивать мне тягостно, постыло!
Мудрей, быть может, словом подчинять
Своих врагов, а не бездумной силой?»

Воспрянул Ярослав, построил рать,
Стрелую сквозь века послал он Слово.
Промолвил князь: «Здесь будет Град стоять
На рубежах Великого Ростова!»

Предполагал ли он из века тьмы,
Что стал отцом для многих поколений.
Когда б не то Истории мгновенье -
Родились бы другие, но не мы.

Предполагал ли, что замыслил брат,
Как губит власти желчная отрава.
Что Святополка будет он карать
За жизнь Бориса, Глеба, Святослава.

Еще все будет там, за гранью лет,
Еще столетья не родится Батый,
Над Туговой горой кровавый след
Еще века не высветят закаты.

Еще земля Великого Петра
Столетия пребудет в полудреме,
Пожженная вандалами дотла,
Но с верою в Россию в каждом доме.

Предполагал ли он, что основал
Столицу мятежей и ополчений,
Что эту землю бог не покарал -
Благословил на славу русский гений.

Ждал князя долгий путь: успех и грусть,
Мир и вражда, надежды и усталость -
То юная, неопытная Русь
На голубой планете нарождалась.

Ялтинские березы

Среди олеандр и магнолий,
Затеряны, скромны, неброски,
Корнями сплестясь в крымском поле,
Стоят две российских березки.

У синего Черного моря
Жизнь, в общем, легка и беспутна,
Но шепчет листва, волнам вторя,
Что здесь им не очень уютно.

Тоскуют березы по краю,
Где холод дождей сводит ветки,
По внешне неяркому раю,
В котором метели нередки.

Там вдоль перелесковых дланей
Текут молчаливые реки,
Там зыбкий туман летней ранью
Смежает молочные веки.

174409

Стоят две зеленых березки
В чертогах приморской столицы.
Шепните, кудрявые тезки,
Кто вас посадил здесь, сестрицы?

Здесь может быть множество мнений:
Жару он любил иль морозы.
Одно не рождает сомнений,
Что он тосковал по березам.

Монетка

В лунную дорожку брошу я монетку:
«До свиданья море, я к тебе вернусь!»
Сам себе устрою добрую примету -
Ближе к лету снова с якорей сорвусь.

Жаль, что нет монетки -
 чтоб на Землю бросить,
Когда час настанет попрощаться с ней:
Возвратиться снова к ее белым росам,
К затяжной истоме високосных дней.

Рождество 91-го

Дожив до тридцати, впервые праздную
В рассудке разлинованном своем
День Рождества Христова, дату «красную»,
Заснеженную белым январем.

Над городом, пушистым и побеленным,
Витает что-то новое совсем;
Как будто музыкант рукой уверенной
Сыграл одну из позабытых тем.

И кружится, наигранная с нежностью,
Мелодия, торжественно-легка,
И пахнет мандаринами и свежестью
Дочуркина румяная щека.

Ноябрь

Снегами пышными впервые
Сырые дни занесены,
Норд-ост одежды меховые
Набросил на плечи страны.

Все так свежо и первозданно -
И мягкий снег, и ясный след.
Побелены фасады зданий,
Народ по-зимнему одет.

Природы робкое движенье,
И вот сменился лик Земли.
Неслышно времени скольженье.
Пришла зима. Часы пошли.

Мороз теперь трудиться будет -
Снежинки стричь из облаков,
Пока подружки не разбудят
Нахальных мартовских котов.

Электричка

Каланчевская. Вечер субботний.
От Москвы, как всегда, я устал.
Многолюдной, большой подворотней
Выхожу из метро на вокзал.

Все еще торопясь по привычке,
Захожу в переходной отсек
Ярославской родной электрички,
Не стряхнув с шапки тающий снег.

Так устало одухотворенны,
Так беззлобны глаза земляков,
Чуть склоненных, но непокоренных
Тяжкой ношей своих рюкзаков.

До свиданья, Москва шабутная;
Вот и сдвинулся снежный перрон,
Ежедневный свой путь повторяя,
Застучал, закачался вагон.

Среди тысяч огней закачался,
Замелькавших за темным окном -
Словно поезд вспарил и помчался
Не по рельсам, а Млечным путем.

За окошком мерцает, мерцает,
В ночь уносится время мое:
То ли жизнь от меня ускользает,
То ли я тороплюсь от нее.

«Пересеклись
орбиты двух
комет...»

Что ж, жизнь нас не свела - мечта сведет.
Средь бездны галактических скоплений,
На стыках всех времен и измерений,
Сроднение судеб произойдет.

И где-то там, в созвездии Плеяд,
В космической дали непредставимой,
Слова земные тихо прозвучат:
«Как долго я ждала тебя, любимый!»

Пристань чувства былого
Погрузилась в года,
Лишь прощальное слово
Все качает вода.

Мой кораблик бумажный
В штормы предан был мне.
Сквозь разлуки, отважно,
Плыл к далекой стране.

Плыл к тебе я непросто -
Оборвал якоря.
Полагал, что ты - остров,
Оказалось - земля.

И, на землю спустившись,
К ней судьбою прирос,
Навсегда заблудившись
В роще теплых волос.

Расстели свои волосы
На туман простыни,
Мы сегодня два полюса
Обнаженной Земли.

Мы с тобою повенчаны
Нашим общим грехом.
Мы - Мужчина и Женщина.
Мы божественны в нем.

В этой ночи, нам преданной,
Больше скромности нет,
Снова все неизведанно -
Нам четырнадцать лет.

Девой с полными ведрами
Засветилась Луна,
Млечный Путь смотрит звездами
Сквозь туманность окна.

Мы - две искорки тленные
Среди бездны огней,
Нас качает Вселенная
В колыбели своей.

В ностальгии по вечности,
Среди северных стуж,
Просим жизнь не беспечности -
Породненности душ.

И в космической замяти
Двух остывших комет
Будем счастливы памятью
Светом прожитых лет.

Сретенский вечер

Так тихо, что слышно, как падает снег,
Ложится на пасмурный сретенский вечер,
И кажется, сыплет мгновеньями век
На конусы елок, на шапки и плечи.

Лишь дятел шифровки все шлет в никуда,
Сбивая снежинок магический шорох.
Как жаль, что кукушки пророчат года -
Мне дятел бы их подарил целый ворох.

Здесь чувствуешь, как наши годы идут,
Но ты с озорством этот миг нарушаешь:
Слепила снежки из пушистых минут
И, звонко смеясь, мне их в спину бросаешь.

Так близко, за лесом, планета шумит,
А мы сквозь покой заповедный шагаем,
И время, как снег, под ногами скрипит,
За нами глубокий свой след оставляя.

За что мне эта божья благодать -
Бездонность мысли, бесконечность неба,
Глубокий вдох, домашний запах хлеба,
Стихи, семья - о чем еще мечтать?

За то, что мне дано осознать -
Всего лишь миг Вселенной существую,
Что все это придется потерять -
И свет дневной, и даже тьму ночную!

Нас, словно две снежинки на ветру,
В распутную, кочующую выюгу,
Вдруг занесло в забытую весну,
Случайной встречей бросило друг к другу.

И Вы узнали - понял по глазам,
В которых юность снова заблестела,
Мелькнула, мне так многое сказав,
И в зрелость вновь куда-то улетела.

За бархатом взметнувшихся ресниц,
Что так к себе тянули и манили,
Я прочитал сквозь дымку встречных лиц:
«Спасибо Вам за то, что Вы любили!»

И я ответил тем же, уходя
В мечты, надежды, радости, невзгоды,
Чтоб город, беспристрастный наш судья,
К разлуке нас приговорил на годы.

За окном от тополей шум
В одиночестве своем чист,
И яснее от него ум,
А по радио звучит Лист.

Колокольным звоном бьет слог
В воспаленную мою честь.
Ощущаю то, что я - бог,
Ощущаю то, что я - червь.

Вы скажите, кто из нас прав,
Если между рук течет ток,
Если вместо влаги губ - нрав,
Если близость создает шок?

На страдания ответ - смех,
В одиночестве расцвет лет.
Чтобы просто совершить грех
Никаких у нас преград нет.

Перед зеркалом - тоска глаз
В ручейках морщин былых чувств.
Словно пропасть - пустота фраз
Из когда-то дорогих уст.

В волосах у женщины лак,
Словно чуть подтаявший снег.
От любви до нелюбви - шаг.
От любви до нелюбви - век.

Глаза ее печалью просквозят
И кроткой, стосковавшейся надеждой.
И в тишине ночной прошелестят,
Спадая, невесомые одежды.

И ты склонишься над ее плечом,
Обнимешь до беспамятства, до хруста;
Она тебя не спросит ни о чем,
И будет так уютно и так грустно.

И притворится, что спокойно спит.
Шепнет чуть слышно: «Милый, рассветает...»
Бразильским крепким кофе напоит
И, попрощавшись, счастья пожелает.

А за окошком морозящий дождь
Вливаться будет в суету рассвета,
И ты пообещаешь, что придешь,
Уже в дверях почти не веря в это.

Вечернее небо в сиреновой дымке,
Расплывчаты контуры окон и арок,
И кружат снежинки, почти невидимки,
И белят затоптанный снег тротуаров.

На улицах людно. Покинув конторки
С казенным, шуршащим бумагой уютom,
Спешат горожане в родные каморки
К «Известиям», детям, диванам и «Спрутам».

И в этом потоке, стройна и красива,
Изящно сапожками снега касаясь,
Идет она гордо и неторопливо,
Из общего ритма толпы выделяясь.

Когда-то спешила к заботам домашним,
И верила в то, что не будет разладов.
Да только не вышло семьи. Во вчерашнем -
Банальная тема несхожести взглядов.

С тех пор и надежда сама, и опора,
А самые близкие люди - коллеги.
В квартире задернуты плотные шторы,
Уютное кресло и томик Карнеги.

В словах и одеждах не терпит парадность,
А в общем и целом, довольна собою:
Порой ожидание радости - радость,
Покой одиночества - благо земное.

Давно осознала, что тоже повинна
В том, что не смогла уступить осторожно...
Прочитан Карнеги лишь наполовину -
Судьбу на абзацы разбить невозможно.

Две веточки лозы
С янтарными гроздьями,
Две летние грозы
Со шквальными ветрами.
Два клена на заре,
Стремящиеся слиться,
Дарящие земле
Изысканные листья.
Два белых журавля,
Летащих близко-близко,
Два стройных корабля,
Спешащих в порт приписки.
Два розовых куста
С шипами из сомнений,
Два подвесных моста
Над бездной откровений.
Два солнечных луча,
Светящих параллельно -
Начало всех начал
Среди зимы метельной.

Два мира, две звезды
Во тьме ночного неба,
Два старика седых,
Два каравая хлеба.
И жизни горький жмых,
Делимый на две части,
И на двоих у них
Одно простое счастье.

Пересеклись орбиты двух комет,
Соединились поднебесной манной -
На волосах моих остался след
Твоей руки, горячей и желанной.

Энергия бушующих страстей
Пределы мироздания сотрясала;
Прошел разряд - и в тайне двух частей
Возникло первородное начало.

И понеслась шальная круговерть
Вулканов ссор и ревности тайфунов;
То зарождались, то взрывались луны,
Осколками терзая чувства твердь.

Планеты нашей засияла новь,
Развевая облаков сомнений тени.
Отхлынув, наводнения смятений
На отмели оставили любовь.

Утихли смерчи бед и укоризн,
Исчезли ледники ненужных трений...
Среди равнин взаимных уважений
В великой тайне зарождалась жизнь.

Ссора в прошлом. Мы вновь осознали сполн
Всю никчемность вчерашних истерик.
Ты ласкаешь меня, как ласкает волна
После шторма взъерошенный берег.

За окном снегопад. Мы его переждем.
Он заснежит дороги и крыши.
Жизнь предстанет нетронутым белым листом
На котором мы судьбы напишем.

Вспоминать о моей, о твоей ли вине
Безрассудно, нельзя нам с тобою -
Снова, в тысячный раз, усомнишься во мне
Снова, в тысячный раз, успокою.

Успокоившись, городом снежным пройдем,
Он подарит умиротворение.
Тихий город с морозной зимою вдвоем
Так же ищут друг в друге спасение.

В закоулках сознаний заумных своих
Снова странствуем - два пилигрима.
Мы пытались любовь поделить на двоих,
Позабыв, что она неделима.

Гурзуф

В него завел нас божий глас,
Мы юные и грешные,
Горбатый город встретил нас
Блаженством и черешнею.

Мы за забор артековский
Прошмыгивали кошками,
Мигал нам домик чеховский
Невзрачными окошками.

Ты с бонов в море прыгала,
Зажмурившись отчаянно,
Шампанским море брызгало
И нехотя качало нас.

С крутой скалы Шаляпина
Нам сосенка зеленая
Махала кроной - шляпою,
В горячий юг влюбленная.

Быть может через пару лет
Мы снова в Крым отправимся.
Та сосенка чуть вырастет,
А мы чуть - чуть состаримся.

На Верхнем острове

Все тот же березовый край,
Хранящий черты нашей встречи,
Совсем ненадолго - на вечер -
Наш маленький замкнутый рай.

В зеркальности наших зрачков
Стояли друг друга иконы,
Краями цеплялись за кроны
Над нами стога облаков.

Как много воды утекло,
Его берега омывая,
Все так же река обнимает
Крутые обрывы его.

Навечно он с Волгой сроднен,
А мы вот с тобой разбежались.
Лишь ветер взаимную жалость
Все носит с тех давних времен.

Три звезды

Смятением, лаской и болью
В себе ощущаю реальность.
А в сердце уже перебои -
Сошла с камертонной тональностью.

Неслышимый солнечный ветер
Разносит планетные ливни,
За окнами сонные ветви
Разбужены звездным приливом.

Вселяя уверенность светом,
В эклипнике, около Веги,
Мерцает таинственный светоч -
Звезда под названием Вера.

По грани несчастья и счастья
Несется мой хрупкий корабль.
Жить счастливо - главная частность,
Жить так - научиться пора бы.

Избит метеорною пылью
Хрустальный венец атмосферы,
На миг континенты застыли
Пред силой протонной химеры.

Приснившись мне - светит, не гаснет,
Призывно, пленительно, нежно,
В далеком созвездьи Пегаса,
Звезда под названьем Надежда.

Приемлю и силу и слабость,
Покорность и гнев безраздельно,
Приветствую горечь и сладость
Житейской реки беспредельной.

Несутся планетной орбитой
Людские стремленья и страсти;
С Землей воедино мы слиты
И в счастье, и в черной напасти.

В созвездии Девы неярком,
Даря мне тепло свое вновь,
Горит драгоценным подарком
Звезда под названьем Любовь.

Колыбельная дочери

Спи, Наташка, пусть приснится
Мир волшебный, нереальный.
Пусть закружит теплый ветер
Невесомость глаз и рук.
Пусть тебе спокойно спится:
Тихо растворится в спальне
Ласковый протяжный вечер,
Сгладивший и свет, и звук.

Пусть тебе приснится детство,
Мной прожитое когда-то:
Ветхий дом в резных ресницах,
Старый тополь во дворе.
Я недавно был младенцем
И во сне летал куда-то;
А теперь тревожно спится
В предрассветном серебре.

Пусть тебе приснится море -
Брызги волн с отливом пенным,
Притяженье синей дали
В голубых разливах сна.
Ты к нему приедешь вскоре -
В Крым желанный, вожделенный,
И мечтать, как мы мечтали,
По нему начнешь сама.

Спи, Наташка, пусть приснится
Город с запахом капели,
Город с запахом ванили,
Незнакомый, но родной.
Ты в него влетишь синицей
И полюбишь с колыбели
Как его мы полюбили,
В нем черпая свой покой.

Спи, Наташка, спи малышка:
Фея из прекрасной сказки
Туфельки тебе подарит
И, с небес, звезду свою.
А потом уйдет неслышно,
Пригасив дневные краски,
Снизив тон вечерних арий -
Баю-баюшки-баю.

Первый свет

Я вышел в муть ноябрьского тумана
Из дома прочь.

Сегодня ночью родилась Светлана -
Вторая дочь.

В спелёнатом мирке уютном
Она сопит.

Чуть рассвело. Субботним утром
Мой город спит.

И лишь трамваи с мерным гулом
Идут сквозь тьму

Своим привычным караулом -
По одному.

Еще глазенок не коснулся
Осенний день,

Он чуть забрезжил, чуть проснулся,
Наметив тень.

Насмелый луч скользнул на крыши
И в тишь квартир.

Еще один землянин дышит,
Ворвавшись в мир.

Хоть впереди, увы, не лето -
Ряггар зимы,

Так хочется побольше света -
Поменьше тьмы.

Вдруг нестерпимым обожжет затылок,
И приторная слабость по ногам
Исподтишка начнет ползти постыло,
В угоду сплетням и твоим врагам.

Уйдешь достойно - не крича, не плача,
Чуть запахнув уютный борт плаща,
Свою обиду в подворотнях пряча,
В разломах улиц забытьё ища.

В себе замкнувшись, окунешься в книги.
Жалеть начнут родные старики.
Друзьями станут Пикуля интриги
И бесконечность пушкинской строки.

Вновь вспомнится, но как-то между делом
Вновь со стыдом - как за свое вранье:
Любимой тело смято сильным телом,
Таким же сильным, впрочем, как твое.

И станет ненавистой мыслью трезвость,
Что ревность вновь впустила на порог...
А может, нет любви - есть страсть и ревни
Они и движут тленный наш мирок.

Мама

Мы движимы в жизни одними мечтами
И бьём крайнем потоке попутных прохожих.
Мы стали похожи не только чертами -
Морщинки у глаз тоже стали похожи.

У мамы рука - кисеи невесомей,
И пусть все в мозолях давно руки эти,
Но более нежных не знаю ладоней,
Да их просто не существует на свете.

Порою мне так не хватает их ласки,
Как хочется силы целебной коснуться,
Чтоб вновь окунуться в любимые сказки,
Пусть хоть на мгновение в детство вернуться.

На свете живу некрылато, практично,
А мама жива материнской любовью.
Количество судеб у женщин различно -
К своей добавляются судьбы сыновьи.

Живем, бескорыстной заботой хранимы,
Вот только порой это не замечаем.
Пусть в мыслях, хоть раз - изменяем любимым,
И лишь матерям своим не изменяем.

Тот вечер мы тихо прожили,
Закончив на мирной волне,
Уже безвозвратно чужие,
Хоть с виду родные вполне.

И ночь постепенно настала,
На звезды смотря из окна.
Вот только не предполагала,
Что станет последней она.

Рассвет так же тихо подкрался,
Но миром поладить не смог.
С той ночью всю разругался
И выгнал ее за порог.

Твои шаги

Чуть шевельнулась занавеска
И замерла:
Изящная, как арабеска,
Ты в дверь вошла.

Отсвет осеннего каштана
Твоих волос
Успокоение нежданно
В мой дом принес.

Как будто растворились годы
В твоих шагах:
Что мне теперь мои невзгоды,
Что тлен и прах.

Что мне теперь безумство мира,
Друзья, враги,
Когда в тоскующей квартире -
Твои шаги.

Шаги сквозь непростое бремя,
Любовь храня,
В мое космическое время,
Лишь для меня.

Ты похожа на Мадонну Литту -
Тот же глаз разрез, лица овал.
Написать бы маслом светлый лик твой
Так, как Леонардо не писал.

Чтоб Наташка на руках уютных
Излучала запах молока,
Чтобы наши лучшие минуты
Отразились в отблесках мазка.

Чтобы с полотна струилось время,
Что от искры божьей обрели,
День за днем потраченное с теми,
С кем делились воздухом Земли.

Только знаю - неподвластно кисти
То, что протекает сквозь года:
Только наши облака и листья,
Только наши радость и беда.

В уютном доме - тишина,
Никто его не потревожит.
В душе его кипит война.
Во всем виновна лишь она,
Она, чей взгляд забыть не может
Тот, кто вчера спокоен был.
Сегодня голову он сложит
Под ноги ей. Он не забыл -
Один лишь взгляд кокетлив был.
Но кто ему теперь поможет
Вернуть ее? Как мир постыл
В его глазах. Но мир растил
Обоих их. Любовь их гложет,
Любовь все разберет и сложит,
Перевернет, поставит вновь
Великий зодчий - их Любовь.

«О вселенском
грустя и мечта...»

Голос

Над временем образ Поэта
Любовью людской вознесен:
Он впредь, до скончания Света
Невластен теченью времен.

Среди многоцветия бала
С изящной супругой своей
Кружили Вы.

Пыль оседала
На фраки послов и князей.

Черты Ваши - мудры и строги,
Не стер чернореченский снег;
Лишь голос, сказавший так много,
Украл девятнадцатый век.

Для каждого - так ли, иначе,
Живет этот голос в душе,
Но тембр, оттенок утрачен,
Увы, невозвратен уже.

Ядор в нем, ехидства немного,
(французским «немного в прононс»;
А может быть, больше тревоги
Я пак, что судьбой превознес?

Покою и воле опорой
Тургенев, Смирнова, друзья;
Но писквиль подметный свой скоро
Пришлют «голубые» князя.

Натали

Приятны пересуды Света,
Таинственен, заманчив Свет -
Жене великого поэта
Всего лишь восемнадцать лет.

Прощай, провинциальность, скука,
Девичьи игры, детвора;
От маменьки, сестер и кукол -
В богему царского двора.

Ах, Натали, вся жизнь отныне -
Предназначенье выполнять:
Быть рядом с гением - богиней;
Блистать.., рожать и вновь блистать.

Стихов несовершенство Ваших -
Отчаяние женских чувств.
«Как до тебя подняться, Саша?» -
Из дрогнувших в тревоге уст.

И красота, и вдохновенье -
Слабее зависти людской.
Двух совершенств соединенье
Исход решило роковой.

Длился красив, он гений бала.
Мелурки, сладости, вино...
Риннив потомок Ганнибала!
Кокетство - женское начало,
И осуждаемо ль оно?

«Я, я повинна в этой ссоре
Перед детьми, перед тобой!»
Полюр, отчаяние, горе,
Лишь забытьё, но не покой.

Клпймо изменницы навеки,
И уединеньи страшный год.
Миллплены, усталы веки...
А жизнь идет, идет, идет...

Принял все склоки поколенья
Нам суждено с другим, опять,
Гили ти свое предназначенье -
Гили тать, рожать и вновь блистать!

У костра

Мимолетные ночи над Волгой -
Не мерцает ни звёзд, ни комет;
Лишь задремлет закат ненадолго,
А его уже будит рассвет.

Лес боится безмолвье нарушить -
В тишине слышен каждый комар:
Духом сосен сродненные души
Мягко трогают струны гитар.

Сыпят искры сухие поленья,
Коротая свой век до утра.
Познающее жизнь поколенья
Сочиняет судьбу у костра.

О вселенском грустя и мечтая,
Словно сон предрассветный легки,
Вместе с искрами к небу взлетают
Задушевных стихов светлячки.

Двое с планеты людей *Лермонтов*

Мы чувствовали - горная дорога,
Дарун бесконечность - тайный знак,
Идет не на Машук, а прямо к Богу,
И для нас равны: и гений, и простак.

На нас мы встали друг напротив друга,
Дрожала в напряжении рука,
Но в Нашем сердце не было испуга,
А лишь тоска, смертельная тоска.

Ища в дали немыслимой - седины,
И в глаго брэнной пройдены пути.
Покорены златые вершины,
Лишь паровал Разлук не перейти.

Кавказ заметнулся пышно и красиво
Великолепной россыпью вершин,
И где то там вдали лежит Россия,
Истории бредит в снах великий сын.

Там никого не тяготит разлука
С поручиком Тенгинского полка,
Лишь бабушка все молится за внука,
Скрывая слезы в краешках платка.

Из Вами предначертанных пророчеств
Неотвратимо близилось одно:
В цепи потерь, разлук и одиночества
Смерть - лишь недостающее звено.

Не все ль равно, с кем Вас судьба связала,
Вам вечность дав, ему - земной позор:
Мартынов, в общем, славный, добрый малый,
Хотя и раздражало, что позер.

Об этом Вы задумались в тревоге,
К прошедшей жизни возвращаясь вновь,
На локте полулежа у дороги,
Что часом позже примет Вашу кровь.

Сок спелых вишен выпачкал ладони
Так темно-ало, словно Вы к груди
Уже прижали их в предсмертном стоне
И прошептали: «Боже, не суди!»

Потом все было нервно, скоротечно:
На ильчикова ошалелый взор,
Шаги навстречу дулу, в бесконечность,
И выстрел, точно в цель, почти в упор.

Машук накрыла грозовая туча,
Дождь исхлестал недвижные глаза.
Под фаталистом страшно и гремуче
Куржились вечерняя гроза.

Нам суждено остаться с юным ликом,
Нам молодым быть, а ему - стареть.
Тащцу в России, чтобы стать великим,
Нам много нужно - просто умереть.

Двое с планеты людей

Мартынов

Почти окончен жизни путь,
Ночами мучают кошмары,
Нет на Земле страшнее кары -
Убийцей в вечность заглянуть.

Соединенье двух времен,
Пересечение двух взглядов.
Рай, оказавшийся вдруг адом.
Сон, словно жизнь, и жизнь как сон.

Судьба, к несчастью, сберегла,
До старости дожить позволив,
И пуля не подстерегла,
И сердце не зашло от боли.

Ни де-Мариньи, ни Барант,
Не дрогнули, курок нажали,
А Вы, безвестный местный фронт
К барьеру роковому встали.

Будь проклят длинный тот кинжал -
Быть может, не было б той сцены,
И столь немислимую цену
За шутку Лермонтов не дал.

А если б не был он творцом -
Кто вспомнил бы о той дуэли
С каким-то ветреным юнцом?...
Иль столько пуль достигли целей!

Для чести на весах времен:
Часть Ваша - Николай Мартынов,
И часть его - Вселенной сына,
Которой был столь одарен.

Тот пистолет направил страх,
А чьи там честь была задета,
Увы, забылось в то же лето -
Иль равновесье на весах.

Или каиния - да, потом!
А там лишь самосохранение:
Дви дрожи нервное волнение
И в шурлу подступивший ком.

Июльской ночью не до сна,
Над Знаменским витает лето,
А в Вашем доме до рассвета
Витает вечная вина.

А на Земле - покой и сон,
Луна нависла полукругом,
И звезды говорят друг с другом
Все так же, как их слышал Он.

«На всех на вас цветов, увы, не хватит мне», -
Чуть раздраженно, словно тихий львиный рык.
И тишина, и замер зал, и в тишине
Аккорд и слово, смех и всхлип, надрыв и крик.

Пять подмороженных гвоздик - венком в руках,
И до конца всего пятьсот полуночей.
На свете вечны лишь слова, невечен прах.
Прими, поэт, ковер из роз и свет свечей.

Ты шел в атаку в ежедневный первый бой
Десятилетия, смотря в прицел колков.
Поэт уходит - за него встает другой,
Чтобы погибнуть на костре из рифм и слов.

Пиросмани

Прости мне, тезка бесшабашный,
Что ворошу в твоей судьбе,
Но зыбкой рифмой день вчерашний
Принес мне мысли о тебе.

Ты жил немного к звездам ближе
В своих заоблачных местах.
Быть может, оттого я вижу
Свеченье неба на холстах.

В непонятости бесприютной,
Порой без хлеба и без сил,
Текли сквозь жизнь твои минуты.
Ты их не тратил - ты творил.

Наивность может быть великой,
Когда наивность - от души.
И мне твой образ южноликий
Тихонько прошептал: «Пиши».

Памяти Арсения Тарковского

Вот и жизнь утекла,
Словно и не бывало.
Стылым сгустком стекла
Сердце старое стало.

Ваши строфы легки,
Как волшебные чары.
Гениальность строки
Вновь мусолит Ротару.

Снизошло пережить
И войну, и хворобы.
Лучше б Вам не дожить
До сыновнего гроба.

Нет страшнее потерь,
Чем потеря бессмертья.
Вы на равных теперь
Перед небом и смертью.

«Перед снегом» пройдет
Дождь осенний, остывший.
И настанет черед
Для кого-то стать жившим.

Отец когда-то сжег свои стихи,
Все в печку - по совету Диониса.
В тетрадках тех был каждый лист исписан
Чистосердечьем ч^удной чепухи.

Был поздний вечер, я, возможно, спал.
Из печки жаркой искры вылетали,
Трещали строчки, рифмы рокотали,
Разогревая докрасна металл.

Наутро, дверцу теплую открыв,
Я искорку среди золы заметил:
Был огонек тот трогательно светел,
Во мне разжег он творчества порыв.

Взгляд

Стою перед царственной сказкой:
Скорблю, трепещу, восхищаюсь,
Влюбившись в изящные сказки,
С бессмертной культурой венчаюсь.

Великий «Василий Блаженный»,
Рожденный России умами,
Невежеством окровавленный
И зодчих слепыми слезами.

Ты окнами видел расправу
И чувствовал стенами подлость,
Когда ослепляли за правду,
Верша жесточайшую почесть.

Не выколоть глаз совершенству:
Оно через время пробьется,
Подарит покой и блаженство
И в душах людских отзовется.

Взгляд Бармы и Постника выжил.
Он стал новым взглядом потомков -
Блондинов, брюнетов и рыжих;
Рязанцев, токийцев, бостонцев.

Пустыми глазницами зодчих,
Пронзенными алчью вселенской,
Взирают влюбленные очи
Компьютерного поколения.

Загадка минувших столетий
Витает в Покровском соборе.
Страдания канувших в Лету
Не умерли вместе с разбоем.

Я вновь пред Творением замер,
В зрачках - ощущение стали.
Чтоб видеть чужими глазами -
Ресницы огнем выжигали.

Чтоб жить, не боясь ни на йоту
Посмертной переоценки,
При жизни творцам достается
Познать ощущение стенки.

«Но мысль об этом не нова...»

Геннадий Шпаликов

Я к вам вернусь листвой берез,
Кружась, паду на ваши плечи -
Но вы не примете всерьез
Закономерность нашей встречи.

Я к вам метелью прилечу,
Стучаться стану на излете -
Но вы задуете свечу,
Взглянув в окно, и прочь уйдете.

К вам притеку большой рекой,
Возьму в объятия теченья -
Вы предпочтете вновь покой
Судеб и тел пересеченью.

Отчаявшись существовать
В необладании над вами,
Себя готовый покарать,
Вернусь к вам честными словами.

Я возвращусь смычком строки,
Натянутым до исступленья.
И посетит вас ход реки,
Метели зябкие штрихи,
И лягут на плечи листки
Нетленной тканью вдохновенья.

**«Бесконечность
неподвластна
мысли...»**

Живу, как все остальные,
Пытаясь судьбу обмануть.
Почти на периферии
Галактики «Млечный Путь».

Живу в непростом столетии,
Живу в непростой стране
На этом чудесном свете,
Принадлежащем мне.

И радуюсь, как ребенок,
Отринув ночной покой,
Еще в темноте, спросонок,
Дневной суете земной.

Живу, очарован тайно,
Мерцаньем ночной звезды,
Такой же, как я, случайной
В анналах мирской среды.

Люблю снегопады в осень,
Их северную красу;
Дурманящий запах сосен
В июльском парном лесу.

Люблю скромным днем весенним
На Волге шуршащий лед;
Люблю свое невезенье,
Когда всем вокруг везет.

Люблю, когда сердце бьется
В тревогах от ста забот,
Как будто сейчас взорвется,
Осколками ввысь уйдет.

Я все получил на свете,
Живя на Земле людей,
Я даже обрел бессмертье -
Дыханья моих детей.

Уйду, как и все другие,
Когда-нибудь все уйдут.
Пусть после меня родные
За рюмкою помянут.

Душа, получив впервые
Возможность за грань скользнуть,
Умчится к периферии
Галактики «Млечный Путь».

Привыкли жить, не ощущая
То, что познав свои года,
Почти полвека твердь земная
От страха смерти нетверда.

Создав убийц потенциальных,
Посеяв в разум семя зла,
От ядерщиков гениальных
Планета раны приняла.

Старееет третье поколение,
Сродненное одной бедой -
Познать в единое мгновение
Свет вспышки и... конец земной.

И долетевший свет сверхновой -
Не всплеск вселенских перемен:
То отблеск разума иного -
Отказ компьютерных систем.

Тополиный пух, невесомый друг,
Словно первый снег, закружил вокруг.

Теплая метель уж который год
Мне наперерез по дворам метет.

Тополиный пух, нежный и шальной,
Радостный июнь тронул сединой.

Ветром разнесен, в волосах затих,
Мягким серебром припорошил их.

Головой потрянул. Только вот беда -
На висках твой след видно навсегда.

Не кривлю душой - я тебе не рад,
Нежный и шальной, невесомый брат.

Высшая гармония пространства
Движет мироздания штурвал.
И стабильность, и непостоянство -
Смел диапазон ее начал.

Продолжая от Большого взрыва
Свой нейтронно-позитронный путь,
К звездам эволюция вспарила
Жизнью переменчивой, как ртуть.

Газовых туманностей скопления -
Колыбель мирских первооснов.
Мертвый хаос создал поколения -
Где Сократ, Чайковский и Кольцов.

Гениален созданный сценарий -
Сплав трагедий, мелодрам, эссе:
Извержение Этны и цунами,
Шум прибоя на морской косе.

Цвет азалий и родных черемух,
Терпкий запах скошенной травы,
Бездна неба, снега белый омут...
Все для нас, владельцы только мы.

Бесконечность неподвластна мысли.
Тайна тайн - случайность бытия.
Млечный Путь, подобный коромыслу,
Ведро бездны выплеснул в меня.

Вы верите в пришельцев?
Не верите, а зря:
В недостижимой цели
Пленительность своя.

Пришельцы-внеземельцы,
Вы - радость или страх?
Межзвездные умельцы -
Прогресс вы или крах?

Иисус - пришелец тоже,
Возвышенный людьми.
О Господи, ты сможешь,
Планету сохрани!

В земной подзвездной сини
Не дай раздуть озон,
Не дай проникнуть стыни
Сквозь свод небесных крон.

Недостижимость цели -
И есть святая цель.
Ждут пропасти, ждут мели,
Ждет март, январь, апрель.

Муравей

Привыкший жить в многоэтажках,
Где все вокруг меня - ничье,
В прозрачных, крохотных букашках
Ищу подобие свое.

Малыш с хвоинкой забавляет,
К себе притягивает взгляд.
Какая власть им управляет
Без арсеналов и наград?

Пробравшись к ходу по растению,
Лесной трудяга муравей
Исчез в четвертом измерении
С нелегкой ношей своей.

А дом его, корабль-пришелец,
От нас хранящий свой секрет,
Стоял в траве, на мир нацелясь,
Армадой ядерных ракет.

Уходит век проторенным путем,
Лишь одному ему, увы, известным.
Мы часто станем вспоминать о нем -
Таком ужасном и таком чудесном.

Кто он для нас - родной наш старикан,
Нас вынянчивший на своих коленях,
Оставшийся чертами в поколениях
Своих детей в калейдоскопе стран?

Мы с ним делили хлеб свой и ночлег,
Он убивал нас и лечил нам раны.
Рождал он и красавиц, и калек.
И гениев растил он, и тиранов.

Нетвердый шаг к познанию бытия -
Один из сотен на пути прозрения.
И высший смысл - в моей рука твоя,
Как два звена в цепи земных мгновений.

В преддверьи Эры Водолея,
На рубеже тысячелетий,
Грустим, влюбляемся, стареем
На этом поднебесном свете.

От прошлого не отрекаясь,
Жизнь постигаем непростую,
Осмыслить разумом пытаюсь
Страну родную, но другую.

Канонами небесной сферы
Нам жить, добрее и мудрее,
В преддверьи благодатной эры -
Грядущей Эры Водолея.

Пусть звезды так расположатся -
Чтоб неудачи отступили;
Чтоб дети наши, что родятся,
Под звездами достойно жили.

Господи, за то прости,
Что в Тебя еще не верю:
Лишь «старуха» скрипнет дверью -
Помолю меня спасти.

Видно, быть так посему:
Мне так жить, Тебя предавшим,
Мстить Тебе, меня создавшим
По подобию Своему.

А пока свои грехи
Сам себе я отпускаю,
Ближним подлости прощаю
Да краснею за стихи.

Предначертано так жить:
Не Евангельские списки -
«Аксиома самоиска»*
На столе моем лежит.

* «Аксиома самоиска» - книга А.Вознесенского

Сегодня звезды яркие и высоки,
Пронизывает приобщенье к бездне.
Я чувствую: вот-вот возникнут строки,
Соединятся в строфы, как в созвездья.

Они давно ко мне не приходили
Под бременем амбиций, ссор и споров,
Под спудом из земной и звездной пыли,
Что въелась в башмаки мои и в поры.

Я всматриваюсь в бесконечность неба,
Вновь осознать ее не в состояньи:
Как бы далек предел Вселенной не был -
Он лишь начало нового познания.

Слова, как звезды, высоки и яркие,
Как шум прибоя, дарят мне блаженство;
Элементарны, как наш мир из кварков,
Но недоступны в тайне совершенства.

Прекрасное мученье сокровенно
Для всех для нас - детей Большого Взрыва,
И миллиарды глаз по всей Вселенной
В глаза глядят мне в творческом порыве.

СКВОЗНЯК

Ты ко мне влетел, не постучавшись,
Дверь открыл незримою рукою,
Легким дуновением начавшись
В сонном состоянии покоя.

Что ж, входи, прилипчивый повеса.
Что с собою ты принес такого:
Аромат покоса или леса,
Или копоть города большого?

Эх, бродяга, мы с тобой различны:
Ты уходишь, лишь прикроют двери.
Для меня разлуки непривычны.
Уходя, я в возвращенье верю.

Продаются повсюду гирлянды, хлопушки, шары,
Машут ветки пушистые нам

дружелюбно с балконов.

Человечество жаждет чудес

вопреки всем законам.

Предвкушение Нового Года - нет лучшей поры.

Вновь шампанское ждет тот единственный

пенистый миг -

С чинным боем курантов сойдутся

бокалы со звоном.

В новогоднюю ночь всех друзей

и знакомых обзвоним -

Приобщим на минутку к их миру

наш маленький мир:

Новую радость,

новую встречу,

новую песню,

новую роль,

Старую совесть,

старое сердце,

старые мысли,

старую боль.

А наутро второго закружат, как прежде, дела,

Понесутся метелью шальной календарные даты,

Будут жены нам вслед повторять:

«Ну куда ты, куда ты?»

Год,
 месяц,
 день,
 мгновение...
 и вот,
Услышав неба звездные призывы,
Столетие с ладоней упорхнет
Упругим сизарем нетерпеливым.

Почтовой вестью полетит мечта
В пугающую даль другого века -
Естественна, банальна и проста:
Всего лишь
 быть
 счастливым
 человеком.

Но, станет, опрометчиво спеша,
Все чаще возвращаться к прожитому
Неутомимым голубем душа -
Так почтари летят к родному дому.

А может, все же вновь придет
Жизнь: мысли, радости, страдания,
И смилостивится, снизойдет,
Даст мне поблажку мироздание?

Я вновь возникну из грозы,
Из всемогущего разряда;
Постигну разума азы...
Лишь жаль - Земли не будет рядом.

И будет влечь меня туда
Мое земное подсознание,
И будет жаждать мозг труда,
Приумножать свои познания.

Чтоб на скитальце-корабле
Пронзить пространство острой птицей,
Приблизиться к родной Земле
И к ней пришельцем возвратиться.

Войти в контакт с цветеньем трав,
И в людях, пролетая мимо,
Взгляд задержать на миг, узнав
Знакомое неуловимо.

«Присягаю
с печалью
в глазах...»

Купола

Рушены Батыем, рушены Кобою,
Стадным безумством тупым,
Нечеловеческой варварской злобою
И равнодушьем людским.

Но из руин вновь и вновь поднимаются,
Чтоб сохранить и спасти,
За облака куполами цепляются
Белые церкви Руси.

Над перегибами и переломами,
Над бесконечностью смут
Витязи под золотыми шеломами
Русскую твердь стерегут.

Тысячи лет прокачается маятник,
Но и тогда не понять,
Как мужичонка, владимирский лапотник,
Смог эту сказку создать.

В слове пророчества русского гения -
Мир наш спасет красота, -
Видится, полный тревог и терпения,
Путь от звезды до креста.

Веру священную вместо безверия
Вызвонят колокола,
Чтобы, столетия новые меряя,
Вечно Россия жила.

Закончится время больших перемен,
Отступит повальная праздность,
И общество равных получит взамен
Безликого равенства - разность.

В «рокфеллеры» выйдут сыны главарей -
За счет «теневых» бриллиантов,
Займут мемуары экс-секретарей
Места среди других фолиантов.

И будут по Пасхам клевать воробьи
Пшено на могилах взрыхленных,
В которых забвение души нашли
Мальчишек бордовопогонных.

Взгляд птицы не приемлет суеты
В порыве восходящего потока,
Не видя с поднебесной высоты
Поверхностных изъянов и пороков.

Не разглядеть пустынность деревень
И беспризорность ветхих пятистенков,
Где у заборов все цветет сирень,
Как будто ждет за красоту оценки.

И птицам не дано парить всегда -
Придется все равно к земле спускаться,
Где сразу ближе видится беда,
В которой нам так тяжело признаться.

Снободой грезит русский воробей,
Вновь возвращаясь к непростому дому,
И гнезда вьет в развалинах церквей,
Снятые крылья протянув к святому.

Еще не время пожинать плоды,
Взлелеянные нашим поколением,
Но не один уж океан воды
Вобрала Волга с моего рождения.

То ли еще не верящий в себя,
То ли уже в себя утратив веру,
Живу и наблюдаю, как судьба
Прет напролом к друзьям-миллионерам.

Не зависть, нет, совсем иной порок -
Неверие в себя грызет украдкой.
Мое богатство - пара сносных строк
Да чадушки сопливые в кроватках.

Напрасно плачусь - я не в голытьбе;
Неверие в себя - всему начало...
Из-за таких, уверенных в себе,
Великую державу разбросало.

Снова слева словом защемило
Болевую точку мироздания...
Если есть ты, Господи, помилуй
Наш народ от будущих страданий.

Охрани израненную веру
От вражды и новой жажды власти,
Ведь не вечно ж будут полумеры
Подбавлять стране своей напасти.

Оказалось, взгляд сменить несложно -
Сложно новый взгляд в себе оставить.
То, что с нами будет, невозможно
Ни предугадать и ни представить.

«Русская», «сибирская», «московская» -
Не объехать и не обойти.
Тройка с этикетки бьет подковками
По этапам нашего пути.

Так и скачем ямами российскими,
По полям бескрайним, по долам,
Называя именами близкими
То, что, видно, всех дороже нам.

Воспоминание о Ереване

Ты запомнился мне, город,
Розой, созданной из камня,
В чаше солнечной долины
Меж Араксом и Разданом.
Словно расступились горы,
Тихо жившие веками,
И цветок неповторимый
В этой тишине создали.
Сколь вальяжны горожане
Были от избытка солнца;
Лица женщин излучали
Тайны темной теплой ночи,
А в мужчинах Еревана
Аскетичность кроманьонцев
Проступала в их молчаньи
И в небритости порочной.
Это было так недавно -
Ты приветствовал прохожих
Виноградным изобильем,
Протянув с навесов грозди.

А теперь враждой подавлен,
Существуешь, будто отжил,
И тебя давно убили,
Пули в туф забив, как гвозди.
Время - и палач, и лекарь.
Власть по-новому разделят.
До зубов вооружившись,
Ты устанешь от вендетты.
Но найдется ли аптекарь,
Что создаст такое зелье -
Чтоб не жили страхом живших
Твои будущие дети?

Вина

Имеет грань вины любой
Проступок или преступление,
Но где найти ее у той
Войны, длиной в полпоколения?

Она идет для матерей,
Живущих с угольком надежды,
Хранящих в святости одежды
Давно ушедших сыновей.

Лишь мозг больной остался им
Вне Родины и вне свободы.
Неужто мы не возвратим
Частицы своего народа?

За чью же гнусную вину
Влачат двойное наказание
И сводят жизни на страдания
Родные мальчики в плену?

Все фильмы Гайдая

На экране - все фильмы Гайдая:
Снова наше, родное, свое.
Вновь Никулин, Варлей догоняя,
В сотый раз не догонит ее.

Не кино на экранах - эпоха,
Миг счастливого детства того.
Ты же видишь - темно нам и плохо:
Дай Господь нам второго Его.

Пусть подарит нам смех, данный свыше,
От соблазнов талант охраняй,
Чтобы Шурик свой был у детишек
В эти благословенные дни.

Мальчишки

Глаза девчонок, трепет нежных рук
Несколько лишь год назад дарил им век.
Сегодня - слезы на глазах подруг,
И смят вокруг могил тяжелый снег.

Он придавил мальчишескую грудь,
Сковал дыханья вечной мерзлотой.
Последним стал для них чеченский путь,
Проторенный позорною войной.

У каждого - «За что?» - в глазах вопрос,
И страшно, что ответа просто нет.
Молчит в ответ заснеженный погост,
Хранит их вечно девятнадцать лет.

Душой не внять и не понять умом:
Кому Бог право дал калечить нас?
Они родились в семьдесят седьмом,
И в том году пошел в десятый класс.

С прошлым сравнивая гнетущее
Ежедневно происходящее,
Время наше спешит в грядущее,
Не успев попасть в настоящее.

Никуда от него не денешься,
Не найти такого, как хочется;
Сколько ни меняй - не изменятся
Ни Отечество и ни отчество.

Неудачами годы меряю,
А все то, что смотрю и слушаю,
От сомнений ведет к безверию,
От безверия - к равнодушию.

Все надежды в прах обращаются.
Стужей веет зима неясная.
И все чаще злость просыпается,
Здравомыслию неподвластная.

Чем проводит усталая Родина
Век повального разобщения?
Неужели образ нового Рощина
Будет взят из моего поколения?

И мягкой дрожи река от октябрьской стужи.
По течению листья уносит опавшие.
Под ногами хрустит перволедок на лужах.
И ходит бледное солнце над глинистой пашнею.

Спиннинг гнется в руках бесполезной игрушкой.
Не клюет, и ловить больше нет настроения.
Полноту в тишине. Спят ветра и лягушки.
Лампы лес за рекой разноцветно-осенний.

Тихо Которосль к Волге несет свои воды.
Миллид потупив, задумаюсь до упоения,
И откроется: все мы свой путь через годы
Протоклем, как реки, подвластно течению.

И не горный поток, а спокойный, равнинный,
Позади все пороги верховий опасные.
Вари, что позади робость перед стремниной,
Вари, русло пробил я себе не напрасное.

Паруса проплывают в осенних оттенках,
Спустили без ласточек гнезда в обрывах,
Инокрошлые избы, хмель вьется на стенах,
Парадавшие листья трепещут на ивах.

Плач, четвертованный славой,
Стоит у Кремлевской стены,
Соратники - слева и справа -
Прислуживать погребены.

Отлитым из бронзы обрубком
Он замер, отнюдь не в тоске,
Ему не хватает лишь трубки,
Привычно зажатой в руке.

«Повзгоды в стране не случайны,
Я к ним свою власть применил!» -
В усы ухмыляется тайно
Глой гений всех адовых сил.

«Пока поносили безбожно
Мня вы в своих «Огоньках»,
Или рушилось, что только можно,
А и нас от дел отвлекал.

Пока вы играли в свободы,
Альенде растили своих -
Порядка хотелось народу,
Великих свершений моих.

Теперь я сильнее, чем прежде,
Я в бронзе и неуязвим,
А вы - все уже без надежды,
И кто победит - поглядим!»

Стоит он, в мечтах непреклонных -
Как тридцать седьмой воскресить, -
И мало ему миллионов
Безвестных могил на Руси.

Хронический дилетантизм вождей -
В анналах генетического кода,
Разул периодических идей
То войны, то суму сулит народу.

Как ни крути - себя не пережить,
Дарованное время скоротечно:
Платье все равно придется уступить,
А вот позор останется навечно.

Присягаю

Вместе с Ним присягаю России -
Разоренной, какая уж есть,
Понимаю, что он не мессия -
Лишь воскресшие совесть и честь.

Подчиняясь своей ипостаси,
Присягаю с печалью в глазах
Не чиновной лоснящейся массе -
Скромным женщинам в очередях.

Ангел новой судьбы еще робок,
Но надежда во мне, а не страх:
И Поэт, и Политик - бок о бок
Над разливом людским в Лужниках.

Дней своих ощутив скоротечность,
Не жалея о мелком былом,
Присягаю ей на человечность
Перед маршалом и алкашом.

Присягаю Ямской и Стромынке,
Чувств смятенье не в силах унять,
И великая музыка Глинки
Заставляет в квартире стоять.

И в Величество Эпоху
Размелют жернова времен,
Уйдут пророки и пройдохи,
Сыграв свой гениальный кон.

Жизнь, за бардак и за невзгоды
Устанут материть отцы,
А на вопрос ответят годы:
Кто все ж глупцы, а кто - творцы?

И главного жреца помянут:
Вопьются или проклянут -
Но за его дела, что канут -
За нохи тех, что вслед идут.

Уйдут и небытие сомнения -
Исчезнут в суматохе лет.
Придет на смену поколение,
Чья детство было без конфет.

Мы стерпим все, мы все осилим;
Народ покладист, коли сыт,
Мы все простим (уже простили)...
И лишь Россия не простит!

Костыли

Помню костыли шестидесятых
В заскорузлых пальцах тех солдат,
Что остались живы в сорок пятом
И рыдали в памятный парад.

По дорогам от вокзала «Время»
Ковылять устали костыли,
Пронеся свое хромое бремя,
Вслед своим хозяевам, слегли.

Продолжая путь солдатской славы,
Предрешенный кем-то там в Кремле,
Встали дети их из легких сплавов -
Поддержать «афганцев» на Земле.

Будут тренированные руки
Мерить костылями новый век.
Метрономом будут стучать звуки -
Что творит на свете человек.

Тяжесть запредельную осилив,
Зацепляя корни и траву,
Как обломки невзлетевших крыльев,
Будут дерзко рваться в синеву.

Снего такие же, дожди такие же,
Как сотни лет назад, как год, как день,
И в сыплют сказочно на грады Китежи
Для сказок созданной Земли людей.

Кружит волшебником над человечеством,
И плыв, поворачивая теченья рек,
Уны, не лучшая частица вечности,
Уны, стреляющий двадцатый век.

Земли одривает теплом и колосом,
И в пахнет порохом сегодня хлеб.
Полно ты видимы уже из космоса,
Как мегаполисы людских судеб.

Придут столетия и поколения;
С чертами нашими, но лучше нас.
Мечты, стремления уйдут в забвение,
И оставив вечности свой звездный час.

И на Манхэттене, и в Подмоскови
Наш век учащимся преподадут
Как, скажем, ядерное средневековье,
Скрутив нить времени в упругий жгут.

Мы все окажемся вдруг современниками
Великих грешников, льстецов, вельмож,
Безликих идолов, иуд-изменников...
Но и Есенина, по счастью, тож.

Гимн России

Славься вечно, родная Россия,
Пусть шаги сквозь века нележки!
Будь сильней самой грозной стихии
И мудрей самой мудрой строки!

Приумножь исторический опыт
Гениальных своих сыновей,
В чьей судьбе - величавость Европы
И простор азиатских степей.

Сила сильных - славянское братство,
Единение родственных душ.
В этом главное наше богатство,
Береги его, Русь, не разрушь!

Становись с каждым годом все краше -
Справедливого мира оплот.
Да хранит от невзгод землю нашу
Бог, судьба и российский народ!

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
<i>«Верность храня незаметно и строго...»</i>	
Созвездие Пегаса	6
Город	8
Дом	9
На набережной	12
Дуб	13
Ярослав	14
На рыбалке	16
Ялтинские березы	17
Монетка	19
Рождество 91-го	20
Ноябрь	21
Электричка	22
Родина	24

«Пересеклись орбиты
двух комет...»

«Что ж, жизнь нас не свела...»	26
«Пристань чувства былого...»	27
«Расстели свои волосы...»	28
Сретенский вечер	30
«За что мне эта божья благодать...»	31
Осенний этюд	32
«Нас, словно две снежинки на ветру...» .	33
«За окном от тополей шум...»	34
«Глаза ее печалью просквозят...»	36
«Вечернее небо в сиреновой дымке...» ..	37
«Две веточки лозы...»	39
«Пересеклись орбиты двух комет...»	41
«Ссора в прошлом...»	42
Гурзуф	43
На Верхнем острове	44
Три звезды	45
Колыбельная дочери	47
Первый свет	49
«Вдруг нестерпимым обожжет...»	50
Мама	51
«Тот вечер мы тихо прожили...»	52
Твои шаги	53
«Ты похожа на Мадонну Литту...»	54
«В уютном доме - тишина...»	55
«Ему претила ветреность ее...»	56

*«О вселенском
грустя и мечтая...»*

Голос	58
Натали	60
У костра	62
Двое с планеты людей	63
Лермонтов.....	63
Мартынов.....	66
Поэту	69
Пиросмани.....	71
Памяти Арсения Тарковского	72
«Отец когда-то сжег свои стихи...»	73
Взгляд	74
«Я к вам вернусь листвою берез...»	76

«Бесконечность

неподвластна мысли...»

«Живу, как все остальные...»	80
«Привыкли жить, не ощущая...»	82
«Тополиный пух, невесомый друг...»	83
«Высшая гармония пространства...»	84
«Вы верите в пришельцев?...»	86
«Дана мне мысль...»	87
Муравей	88
«Уходит век проторенным путем...»	89
«В преддверьи Эры Водолея...»	90
«Господи, за то прости...»	91

«Сегодня звезды яркие и высоки...»	92
Сквозняк	93
Новогодняя песня	94
«Год, месяц, день, мгновение...»	97
«А может, все же вновь придет...»	98

«Присягаю

с печалью в глазах...»

Купола	100
«Закончится время больших перемен...»	102
«Взгляд птицы не приемлет суеты...»	103
«Еще не время пожинать плоды...»	104
«Снова слева словом защемило...»	105
«Русская», «сибирская», «московская»...»	106
Воспоминание о Ереване	107
Вина	109
Все фильмы Гайдая	110
Мальчишки	111
«С прошлым сравнивая гнетущее...»	112
«В зябкой дрожи река...»	113
«Палач, четвертованный славой...»	115
«Хронический дилетантизм вождей...» ..	117
Присягаю	118
«Ее Величество Эпоху...»	119
Костыли	120
«Снега такие же, дожди такие же...»	121
Гимн России	123

Гончаров Николай Валентинович

СОЗВЕЗДИЕ ПЕГАСА

Редактор Г.Бязырев
Художественный редактор А.Волков
Технический редактор А.Чванов
Корректор Л.Белова

Литературно-художественное приложение
к газете «СДМ» – журнал «ЛЕМУРИЯ»
№ 4/2001 (рег. св-во ПИ № 77-1133 от 25.11.99)

Адрес редакции:
152300, Ярославская обл., г. Тутаев,
пр-т 50-летия Победы, д. 13

Сдано в набор 26.12.2000
Подписано в печать 08.01.2001
Формат 60×90 1/32 Объем 4,0 п. л. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная Тираж 500 экз. Заказ 4236
Цена договорная

Отпечатано в Производственно-издательском
комбинате ВИНТИ
140010, г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403,
тел. 554-21-86